

Повесть о взятии Царьграда крестоносцами

Въ лѣто 6712. Царствующю Олыксе въ Цесариградѣ, въ царствѣ Исаковѣ, брата своего, его же слѣпикъ, а самъ цесаремъ ста. Я сына его Олексу затвори въ стѣнахъ высокыхъ стражею, яко не выиндетъ. И временомъ минувъшемъ, и дъръзну Исакъ молитися о сыну своемъ, дабы его испустилъ ис твърди прѣдъ ся. И умоли брата Исакъ, и прияста извѣщение съ сыномъ, яко не помыслити на царство, испущенъ бысть ис твърди и хожашеть въ своей воли. Цесарь же Олыкса не печяшеса о немъ, вѣря брату Исакови и сынови его, зане прияста извѣщение. И потомъ Исакъ помысливъ, и въсхотѣ царства, и учашеть сына, посылая потан, яко «добро створихъ брату моему Олѣксѣ, от поганыхъ выкупихъ его, а онъ противу зло ми възда: слѣпикъ мя, царство мое възя». И въсхотѣ сынъ его, якоже учашеть его, и мышляшъта, како ему изити из града въ дальняя страны и оттолѣ искати царства. И въвѣденъ бысть въ корабль, и въсаженъ бысть въ бочку, и мѹщи 3 дна при единѣмъ конци, за нимъ же Исаковицъ сѣдѹше, а въ другомъ конци вода, идеже гвоздъ: нѣлзѣ бо бяше инако изити из града. И тако изиде из Грѣчьскѣй земли. И, увѣдавъ, цесарь посла искать его. И начаша искати его въ мнѹхъ мѣстѣхъ, и внидоша въ тѣ корабль, идеже бяшеть, и вся мѣста обискаша, а из бѣтъкъ гвозды вынимаша, и видеше воду текущую, идоша прочь, и не обрѣтоша его.

И тако изиде Исаковичъ, и приде къ нѣмѣцьскѹму цесарю Филнпови, къ зяти и къ сѣстрѣ своей. Цесарь нѣмѣцьскый посла к папѣ въ Римъ, и тако увѣчѹста, яко «нѣ воевати на Цесарьградъ, нѣ якоже рече Исаковицъ: «Всѣ град Костянтинъ хотять моего царства», — такоже посадыче его на прѣстолѣ, пондете же къ Нерусалимѹ, въ помочь; не въсхотять ли его, а ведете и опять къ мнѣ, а пакости не дейте Грѣчьской земли».

Фрязи же и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и сръбро, иже мѣняшеть имъ Исаковицъ, а цесарева велѣнна забыша и папина. Първое, пришьдъше въ сѹдъ, замкы желѣзныя разбиша, и приступивъше къ граду, огонь въвергоша 4-рь мѣсть въ храмы. Тѣгда цесарь Олыкса, үзревъ пламень, не створи брани противу имъ. Призвавъ брата Исака, егоже слѣпи, посади его на прѣстолѣ, и рече: «Даже еси, брат, тако ство рилъ, прости мене, а се твое царство», — извѣжа из града. И пожьженъ бысть град и церкви несказны лѣпотою, имъже не можемъ числа съповѣдати. И святое Софие притворъ погорѣ, идеже патриарси вси написани, и подрумѣе и до моря, а сею по Цесаревѣ затворъ и до сѹда погорѣ. И тѣгда погна Исаковицъ по цесари Олексѣ съ фрягы, и не постиже его и възвратися въ град, и съгна отця съ прѣстола, а самъ цесаремъ ста: «Ты еси слепъ, како можеша царство държати? Язъ есмь цесарь!» Тѣгда Исакъ цесарь, много съжаливъси о градѣ и о Царствѣ своемъ и о гравлении монастырьскихъ, еже даяста фрягомъ злата и сръбро, посуленое имъ, разболѣвъся, и бысть мнихъ, и отънде свѣта сего.

По Исаковѣ же смерти людие на сына его възсташа про зажьжение градное и за пограбление монастырьское. И събрачеса чернь, и волочаху добрые мѹжи, дѹмающе с ними, кого цесаря поставятъ. И вси хотяху Радиноса. Онъ же не хотяше царства, нѣ крѣяшеса от нихъ, измѣнивъся въ чърны ризы. Жену же его, имъше, приведоша въ святѹю Софию и много нѹдиша ю: «Повѣжь намъ, где есть мѹж твой?» И не сказа о мѹжи своемъ. Потомъ же яша человекъ, именьмъ Николу, конна, и на того възложиша вѣнѣць бес патриарха, и тѹ *бысть снемъ* въ святѣй Софии 6 дний и 6 ночий.

Цесарь же Исаковицъ бяшеть въ Блахернѣ, и хотяше въвести фрягы отай боярь въ град. Бояре же, увѣдавъше, утолиша цесаря, не даша ему напустити фрягъ, рекуче: «Мы с тобою есмь». Тѣгда бояре,

убоявъшесе въвѣдения фрягъ, съдумавъше съ Мюртюфломъ, яша цесаря Исаковиця, а на Мюртюфла вѣньчь възложиша.

А Мюртюфла вѣше высадилъ ис тьмьнице Исаковиць, и приялъ извѣщение, яко не искати подъ Исаковичемъ царства, нъ блюсти подъ нимъ. Мюртюфлъ же посла къ Николѣ и къ людьмъ въ святую Софию: «Язъ ялъ корога вашего Исаковиця, язъ вашъ цесарь; а Николѣ даю пьрвый въ боярехъ, сложи съ себе вѣньчь». И вси людие не даша емѹ сложити вѣньця, нъ боле заклашася: кто отступитъ от Николы, да бѹдетъ проклятъ. Того же дне, дождавъше ноци, развѣгошася вси, а Николѹ яша, и женѹ его я Мюртюфлъ, и вѣсади я въ тьмьницу, и Ольксѹ Исаковиця ѹтвърди въ стѣнехъ, а самъ цесаремъ ста Мюртюфлъ феуларя въ 5 день, надѣяся избити фрягы.

Фрязи же, ѹведавъше ята Исаковиця, воеваша волость около города, просяче ѹ Мюртюфла: «Дай намъ Исаковиця, от пондемы къ нѣмьскѹмѹ цесарю, отнеле же есме послани, а тебе царство его». Мюртюфлъ же и вси бояре не даша его жива, и ѹморивъше Исаковиця, и рекоша фрягомъ: «ѹмьрлъ есть; придете и видите и». Тѣгда же фрязи печяльни бывъше за прѣслушание свое: не тако бо вѣ казалъ имъ цесарь нѣмѣцьскый и папа римьскый, якоже си зло ѹчинниша Цесарюграду. *И рѣша* сами к соби вси: «Оже намъ нѣтѹ Исаковиця, с нимъ же есме пришли, да лѹче ны есть ѹмрети ѹ Цесаряграда, нежели съ срамомъ отъити». Оттоль наша строти брань къ граду.

И замыслиша, якоже и прѣже, на кораблихъ раяди на шыглахъ, на иныхъ же кораблихъ нѣщинниша пороки и лѣствиця, а на иныхъ замыслиша съвѣшнвати бѣчькы чересь град, накладены смолины. И лѹчины зажгъше, пѹстиша на хоромы, якоже и прѣже, пожьгоша градъ. И пристѹпиша къ граду априля въ 9 день, въ пятъкъ 5 недѣли поста, и не ѹспѣша ничьтоже граду, нъ фрягъ избиша близъ 100 мѹж. И стояша тѹ фрязи 3 дни; и въ понедѣльникъ Вербной недѣли пристѹпиша къ граду, солнцю вѣсходящю, противѹ святому Спасѹ, зокелый Бергетисъ, противѹ Испигасѹ, сташа же и до Лакерны. Пристѹпиша же на 40 корабльвъ великыхъ, бяхѹ же изременани межн ими, в нихъ же людье на конихъ, одени в брѣне и коне ихъ. Инии же корабли ихъ и галѣе ихъ стояхѹ назаде, боящесе зажъжения, якоже и прѣже, бяхѹтъ греци пѹстили на не 10 корабльвъ съ огньмъ, и въ пряхъ извеременивъше погодуе вѣтра, на Василиевъ день полѹноци, и не ѹспеша ничьтоже фрязьскимъ кораблемъ: вѣсть бо имъ вѣше далъ Исаковиць, а грькомъ повеле пѹстити на корабли на не; тѣмъже и не погорѣша фрязи.

И тако бысть вѣзятне Цесаряграда *великого*: и привлече корабль къ стѣнѣ граднѣй вѣтрѣ, и быша скалы ихъ великыя чрѣсь град, и нижнее скалы равно забороломъ, и бяхѹтъ съ высокыхъ скалъ на градъ грькы и варягы каменемъ и стрѣлами и сѹлицами, а съ нижнихъ на градъ сѣлѣзоша; и тако вѣзьяша градъ. Цесарь же Мюртюфолъ крѣпляше бояры и все люди, хотя тѹ брань створити с фрягы, и не послушаша его: повѣгоша от него вси. Цесарь же побеже от нихъ, и ѹгони е на Коньнемъ тѣргѹ, и многа жалова на бояры и на все люди. Тѣгда же цесарь избеже изъ града, и патрархъ и вси бояре.

И внидоша въ град Фрязи вси априля въ 12 день, на святого Василия Исповѣдника, въ понедѣльник, и стаха на мѣсте, идеже стояша цесарь грѣцьскый, ꙗко святого Спаса, и тѹ стаха и на ночь.

Заутра же, солнцю вѣсходящю, внидоша въ святую Софию, и одбаша двѣри и расѣкоша, а онболъ окованъ баше всь сребромъ, и столпы сребрьныя 12, а 4 кивотныя, и тѣбло исѣкоша, и 12 креста, иже надъ олтаремъ бяху, межи ими шишкы, яко дрѣва, вышьша муж, и прѣграды олтарныя межи стѣлпы, и то все сребрно. И трапезу чюднѹю одбаша, драгый камень и велий жьньчюг, а саму невѣдомо камо ю дѣша. И 40 кубъковъ великихъ, иже бяху прѣдъ олтарем, и понекадѣла и свѣтила сребрьная, яко не можемъ числа повѣдати, съ праздниченными съсуды бесцѣнными помаша. Служебное ѿангелне и хресты честныя, иконы бесцѣныя — все одбаша. И подъ трапезоу крѣвъ нандоша — 40 кадие чистаго злата, а на полатѣхъ и въ стѣнахъ и въ съсудохранильници не вѣде колико злата и сребра, яко нету числа, и бесцѣнныхъ съсудъ. То же всѣ в единой Софии сказахъ, а святую Богородицю, иже на Блахѣрнѣ, идеже святой дѹхъ съхожаше на вся пятницѣ, и тѹ одбаша. Инѣхъ же церквий не можеть человекъ сказати, яко бе-щисла. Дигитрию же чюднѹю, иже по граду хожаще, святую Богородицю, съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне есть, на ню же надѣлѣмъся. Иныя церкви въ градѣ и вѣнѣ града, и монастыри въ градѣ и вѣнѣ града пограбнша все, имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати. Черныче же и чернице и попы облѹпиша и нѣколико ихъ избиша, грѣкы же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхутъ остаан.

Се же имена воеводамъ ихъ: 1 маркосъ от Рима, въ градѣ Бьрне, идеже бе жилъ поганый злый Дедрикъ. Я 2-й кондофъ Офландръ. Я 3 дѹжь слепый от Маркова острова Венедикъ. Сего дѹжа слѣпилъ Мануилъ цесарь; мнози бо философи моляхутъся цесареви: аще сего дѹжа отпустиши съдрава, тѣ много зла створить твоему царствѹ. Царь же не хотя его ꙗвити, повелѣ очн ему слѣпити стѣкломъ, и выста очн ему яко невреженѣ, нѣ не видяше ничегоже. Съ же дѹжь много браний замышляше на град, и вси его послушаху, и корабли его велицини бяхутъ, с нихъ же градъ вѣзаша. Стоянья же фряжьска ꙗ Цесаряграда от декабря до априля, доколь городъ вѣзашь. Я мѣсяца мая въ 9 поставнша цесаря своего латина кондо Фларенда своимъ пискѹпы, и власть себе раздѣлиша: цесареви град, и маркосѹ сѹдъ, а дѹжеви десятина. И тако погыбе царство богохранимаго Костянтиняграда и земля Грѣцьская въ свадѣ цесаревъ, ею же обладають фрязи.